

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2024-28-4-964-978>

EDN: JFQCMC

Научная статья / Research Article

Старые проблемы и новые перспективы нейрофеноменологии в психиатрии: хроника радикального поворота

О.А. Власова

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

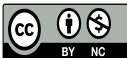
 o.a.vlasova@gmail.com

Аннотация. На волне интенсивного развития когнитивных наук в отечественной традиции ведутся физиологические, психологические, философские исследования. В центре последних – аналитическая философия и проблема свободы воли, логика, эпистемология и энактивизм, очень редко, но все же слышны голоса востоковедов с их вниманием к опыту. На этом фоне в полном забвении оказывается одна из важных для мировой науки и практики сфер – психиатрическая нейрофеноменология. Работа выстраивает преемственность между «старыми» философски ориентированными теориями психиатрии первой трети – середины XX в. и «новыми» интерпретациями нейронаук. Демонстрируются наиболее характерные параллели: как К. Ясперс, нейрофеноменология ставит проблему описания и понимающей методологии, как Э. Штраус, говорит о дологическом переживании, как Л. Бинвангер, стремится уйти от субъект-объектного раскола к непосредственному опыту, как Р. Лэйнг, акцентирует воплощенность и бесконечную тотализацию коммуникации. С опорой на анализ актуальных дискуссий последних лет показывается, как трансформируются традиционные проблемы в последние годы и какие перспективы для философии и междисциплинарной практики открывают эти трансформации. Исследуется психиатрическая феноменология опыта Й. Парнаса, Дж. Стангеллини, Л. Сасса, Д. Захави, К. Мундта, Т. Фукса и др., анализируется междисциплинарный потенциал современных исследовательских и диагностических программ. Делается вывод о том, что, преодолевая дихотомию биологического и психического, обращаясь к полю опыта как полю общего интереса, нейрофеноменология создает исследовательское пространство экспериментальной философии опыта, в котором философия психиатрии стремится преодолеть свойственный ей антиномизм.

Ключевые слова: философия психиатрии, феноменология, энактивизм, нейронауки, опыт

Информация о финансировании. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01172 «Антиномизм и методологические основания философии психиатрии».

© Власова О.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи:

Статья поступила 09.06.2024

Статья принята к публикации 01.09.2024

Для цитирования: *Власова О.А.* Старые проблемы и новые перспективы нейрофеноменологии в психиатрии: хроника радикального поворота // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2024. Т. 28. № 4. С. 964–978. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2024-28-4-964-978>

Old Problems and New Perspectives for Neurophenomenology in Psychiatry: The Chronicle of the Radical Turn

Olga A. Vlasova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

 o.a.vlasova@gmail.com

Abstract. On the wave of intensive development of cognitive sciences we see the intensive physiology, psychology and philosophy studies in the Russian tradition. Philosophy discusses the analytical think and the problem of free will, logic, epistemology and enactivism; the orient studies with attention to experience are very rarely. Against this background, psychiatric neurophenomenology as one of the most important field for science and practice is completely forgotten. The paper reconstructs continuity between the “old” philosophical theories in psychiatry in the 20th century beginning and the “new” interpretations in neuroscience. The author demonstrates the most characteristic parallels of this renewal: neurophenomenology problematizes the problem of description and understanding methodology, as K. Jaspers, accents the prelogical experience, as E. Strauss, tunes away from the subject-object split to immediate experience, as L. Binswanger, emphasizes the embodiment and totalization of communication, as R. Laing. Reliance on the analysis of actual modern discussions paper shows how traditional problems transforms in recent years, and what perspectives these transformations open for philosophy and interdisciplinary practice. The author studies psychiatric phenomenology of experience of J. Parnas, G. Stanghellini, L. Sass, D. Zahavi, K. Mundt, T. Fuchs and others, analyses the interdisciplinary potential of modern research and diagnostic programs. It is concluded that, by overcoming the biological and psychological dichotomy, by turning to the field of experience as a field of general interest, neurophenomenology creates a research field in which the philosophy of psychiatry overcomes its antinomianism.

Keywords: philosophy of the psychiatry, phenomenology, enactivism, neuroscience, experience.

Funding of Sources. The research was supported by Russian Science Foundation, project 24-28-01172 “*Antinomianism and Methodological Foundations of the Philosophy of Psychiatry*”.

Article history:

The article was submitted on 09.06.2024

The article was accepted on 01.09.2024

For citation: Vlasova OA. Old Problems and New Perspectives for Neurophenomenology in Psychiatry: The Chronicle of the Radical Turn. *RUDN Journal of Philosophy*. 2024;28(4):964–978. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2024-28-4-964-978>

На волне интенсивного развития когнитивных наук в отечественной традиции идут физиологические (К.В. Анохин), психологические (Т.Г. Черниговская), философские (Д.И. Дубровский, В.А. Лекторский, В.В. Васильев) исследования. В центре последних – аналитическая философия и проблема свободы воли (А.П. Беседин, А.В. Кузнецов), логика (Н.В. Зайцева, Д.В. Зайцев), эпистемология и энактивизм (Е.Н. Князева, Д.В. Иванов), очень редко, но все же слышны голоса востоковедов (В.Г. Лысенко) с их вниманием к опыту. На этом фоне в полном забвении оказывается одна из важных для мировой науки и практики сфер – психиатрическая нейрофеноменология.

Пространство схождения нейронауки, психиатрии и философии (в лице феноменологии) есть очень гармоничное и продуктивное междисциплинарное пространство экспериментальной философии, которое вырастает прямо из практики. Еще в конце 1940-х гг. один из родоначальников экзистенциально-феноменологической психиатрии (предшественницы нейрофеноменологии) Эрвин Штраус (опять же прямой предшественник М. Мерло-Понти) начинает свою работу «Об Obsессии» следующими словами: «Психозы и неврозы являются изменениями человеческого опыта и поведения. Они... – эксперименты, устроенные самой природой. ...Психиатрические палаты можно бы было рассматривать как огромные естественные лаборатории психологии» [1. P. V].

Развитие нейрофеноменологии в психиатрии открывает не акцентированные ранее источники самой нейрофеноменологии, и в этом поле переживает новое рождение экзистенциально-феноменологическая психиатрия. Благодаря переводу интерпретации экзистенциального опыта человека в измерение нейронаук она обретает научность и де-маргинализуется.

Настоящая работа выстраивает преемственность между «старыми» философски ориентированными теориями психиатрии первой трети – середины XX в. и «новыми» интерпретациями нейронаук. С опорой на анализ актуальных дискуссий последних лет показывается, как трансформируются традиционные проблемы в последние годы и какие перспективы для философии и междисциплинарной практики открывают эти трансформации.

Программа энактивизма в экзистенциально-феноменологической психиатрии

Одно из наиболее заметных событий XXI в. в психиатрии – столетие «Общей психопатологии» Карла Яспера: разговоры о книге не стихают до сих пор, и в соотнесении себя с ней замечены почти все крупные специалисты. Ясперс, действительно, сделал немало для того, чтобы состоялся сегодняшний разговор философии и психиатрии в поле нейронаук. Он развивался

и сформировал свой методологический взгляд в биологической психиатрии XX в. Его поистине революционное достижение в психиатрии – изменение исследовательской перспективы: именно Ясперс стал настаивать на том, что реальность, которую исследует психиатрия, – не внешняя реальность симптомов и синдромов, наших интерпретаций, а реальность больного, его сознания и его опыта. «...В экзистенциальной перспективе Ясперса психопатология описывается с позиции первого лица...» [2. Р. 176], – подчеркивает Кристоф Мундт.

По Ясперсу, психиатрия, психопатология должна дать слово самому больному, как можно точнее зафиксировать представленную им картину переживаний как феноменов *его* сознания, воссоздать *его* структурные связи во внутренней целостности. Разработанные им методы есть стороны введенной оптики: феноменология вычленяет отдельные феномены, понимающая психология проясняет связи между ними, и эти методы сегодня дают тот материал, те данные, которые ставят вопросы перед нейронауками. Зафиксированные рассказы больных – основной материал психопатологов, поэтому в центр Ясперс ставит описательный подход. Как совершенно верно почувствовал в шестидесятые годы Г.К. Рюмке: «Феноменология – начало и конец всей нашей психиатрической работы. И описание должно ускорить наше движение вперед. Многочисленные теории приходят и уходят, но хорошее описание переживает даже самую великолепную теорию» [3. Р. 25]. Сегодня описания больных, зафиксированные экзистенциально-феноменологическими психиатрами, часто цитируются уже в работах совсем другой парадигмы.

Изменение перспективы, описательная и понимающая методология, разработанная Ясперсом, дает доступ к новой реальности, которую экзистенциально-феноменологические психиатры именуют реальностью живого опыта и дологического переживания. В работе 1935 г. Эрвин Штраус, в противоположность традициям Р. Декарта и Дж. Локка, предлагает обратиться к тому, что он описывает как «непосредственное ощущение». Это дологический непосредственный сенсорный опыт включенности в мир и схватывания «выражения», реальность которого разворачивается вне знаков. Переход к непосредственному дологическому опыту позволяет отказаться от разделения на (чувственное) восприятие и (рациональное) мышление. Штраус настаивает, что сенсорный опыт – не форма познания, а вовлеченное взаимодействие с миром, в котором нет позиции сверху и снизу, внешнего и внутреннего, первичного и вторичного, где тело становится не границей, а «посредником между мной и миром» [4. S. 252], пространством коммуникации. Позднее Штраус напишет: «Мы переживаем реальность в личных отношениях; она не отделена от нас; как живое существо я являюсь ее частью; она воздействует на меня в своей поразительной фактичности; я охвачен ею и пойман. <...> Опыт реальности предлогичен...» [5. Р. 113].

Одновременно со Штраусом в конце 1920-х – начале 1930-х гг. Эжен Минковский акцентирует важность непосредственного, дологического опыта

для «проникновения» в аномальные феномены. Он следует за М. Шелером (в методе) и А. Бергсоном (в теории) и заговаривает о проживаемом опыте, разворачивающемся во времени и пространстве. В своей диссертации он пишет о целостности человека и мира и описывает эту дологичную связность как «жизненный контакт с реальностью», который и разрушается в психопатологии, когда на смену непосредственности и непосредственной динамике взаимодействия приходит опосредованное мышлением объяснение [6]. В работе 1932 г. «Проживаемое время» он стирает границу между познанием и жизнью и обращается к непосредственному опыту сознания больного. Постигание болезни для него есть «проникновение» в опыт взаимодействия с миром и, главное, в его динамику, понимание жизни души как темпорального потока [7].

Все феноменологические исследования патологии обобщает Людвиг Бинсвангер, который подчеркивает необходимость понимания взаимодействия человека и мира как интенционального, вне разделения на субъект и объект, сознание и тело, я и мир [8. С. 182], и в своих поздних работах концептуализирует само понятие опыта. Он определяет естественный опыт как еще не рефлексивную непосредственную последовательную связность существования [9. С. 27–28]. Однако переходной фигурой для современной нейроинтерпретации в психиатрии (как для энактивизма в целом) становится Моррис Мерло-Понти, который стоит между старым миром экзистенциально-феноменологической традиции и новым миром нейрофеноменологии в психиатрии.

В «Феноменологии восприятия», как и в своей более ранней работе «Структура поведения», Мерло-Понти исследует оппозицию экспериментальной (физиологической) психологии и трансцендентальной философии и приходит к выводу о необходимости выработки срединного подхода, как называет его Герберт Шпигельберг, «биполярой феноменологии» [10. С. 547]. В рамках него ситуация восприятия предстает не как ситуация познания, а как дологический опыт непосредственной включенности в мир, развертывающийся вне знаков (как у Штрауса), в живой (как у Минковского) синхронии с миром. «Мир неотделим от субъекта, но субъекта, который не может быть ничем иным, как проектом мира, и субъект не отделим от мира, но мира, который он сам проецирует» [11. С. 543], – подчеркивает Мерло-Понти, и эта фраза будет цитироваться в самом начале первой главы «Отелесненного разума». В исходной связности человека и мира вне знаков мы можем отбросить критикуемую Бинсвангером субъект-объектную дихотомию и выйти в то поле, которое Мерло-Понти концептуализирует как экзистенциальный анализ.

Поле снятия оппозиции для Мерло-Понти – живая телесность, в которой мир встречается с «я», накладываются поля внешнего и внутреннего, отпадает необходимость слова и осуществляется переход к действию. Обращение к телесности как полю снятия дихотомии субъекта и объекта дает психиатрии

две продуктивные линии интерпретации: индивидуально ориентированные исследования воплощенности и исследования интерсубъективности. «...Для Мерло-Понти воплощенность есть нечто большее, чем схематическая интенциональность тела; она раскрывается в интерсубъективной сфере, пронизывает аффективную жизнь и становится видимой в жестах и языке. Энактивисты развивают эти проблемы, основываясь на идее межтелесности Мерло-Понти, чтобы разработать новый подход к социальному познанию, обращенный к динамическому, воплощенному взаимодействию» [12. Р. 45], – подчеркивает Шон Галлахер.

Обе указанные потенции развивает в начале 1960-х гг. Рональд Лэйнг уже в двух своих первых работах «Разделенное Я» и «Я и Другие». В «Разделенном Я» он называет корнем психического расстройства «онтологическую ненадежность» – как раз разрушение (описываемой Мерло-Понти) исходной связности с миром, приводящее к развоплощенности. В «Я и Других» обращается к межличностной перспективе и связывает психические отклонения уже с разрушением невербальной реципрокной сети взаимодействия. Развивая идеи Мерло-Понти, феноменологию взгляда и тотализации Ж.-П. Сартра, а также теорию двойного послания Г. Бэйтсона он приходит к выводу о важности для психиатрии осмысления и работы с сетью коммуникации, понимаемой как постоянная взаимная горизонтальная тотализация посланий [13]. Примечательно, что именно разработка проблем воплощенности и реципрокной коммуникации в начале 1990-х гг. становятся центральными для новой феноменологии психиатрии.

В описанных выше идеях представители экзистенциально-феноменологической психиатрии, с одной стороны, развивают потенции феноменологии и экзистенциальной философии, а с другой делают ряд радикальных шагов, которые готовят психиатрию к переходу к современной парадигме нейронаук. Таковыми шагами, если обобщить, становятся: 1) изменение перспективы с третьего лица на первое (К. Ясперс), 2) акцентирование описательной методологии (К. Ясперс), 3) сдвиг с познания на опыт и переживание (Э. Штраус) и признание его онтологической реальности, 4) снятие оппозиции между органическим и личностным и представление опыта пространства и времени как живого, проживаемого опыта (Э. Минковский), 4) преодоление в терминологии переживания и существования субъект-объектной дихотомии (Л. Бинсвангер), 5) обращение к дологическому опыту связности человека и мира, разработка категорий телесности (М. Мерло-Понти) и воплощенности (Р. Лэйнг), 6) переход к множественной концепции коммуникации, учитывающей контекст, метаперспективу и тотализацию опыта взаимодействия (Р. Лэйнг).

Перечисленные наработки есть результат синкретического развития идей феноменологии и экзистенциальной философии (а также теории коммуникации) в психиатрической клинике. Они не являются результатом простого развития философских идей, но есть самостоятельные достижения

экзистенциально-феноменологической психиатрии, оформившиеся на основании тех же источников, которые сегодня в эпистемологии обозначают как предпосылки энактивизма: феноменологии, философски переосмысленной теории живого, экзистенциальной неврологии и теории коммуникации и реципрокности восприятия.

В своей монографии Е.Н. Князева характеризует энактивизм как выход за пределы следующих дихотомий: субъекта и объекта, тела и ума, живого организма и познаваемой среды, различения познания и жизни, реального и виртуального, физического и эндофизического. «Субъект и объект, тело и разум, организм и среда, жизнь и познание, реальное и виртуальное – все эти пары понятий находятся во взаимной циклической детерминации, обуславливают друг друга, составляют единый процесс, в который втянуты всякий раз обе эти стороны» [14. С. 7], – подчеркивает она. Именно этими характеристиками можно с точностью описать обобщенные выше достижения экзистенциально-феноменологической психиатрии. Разумеется, нет ничего удивительного в том, что психиатрия моментально, с первых же шагов, включается в его стремительное развитие.

Трансформации экзистенции в горизонте парадигмы сознания: теория нейрофеноменологии в психиатрии

Совершенно предсказуемо, что нейронауки меняют облик психиатрии: открытия новых механизмов функционирования сознания в норме закономерно ведут к пересмотру источников психических расстройств. Однако идеи философской психиатрии при этом оказываются поразительно продуктивны. «Хотя по сравнению с временами Ясперса и Минковского психиатрия стала еще больше ориентирована на натурализм и нейробиологию, феноменологическая психиатрия все еще остается живой традицией. За последние двадцать пять лет она пережила своеобразное возрождение и оказывает все большее влияние на традиционную психиатрию» [15. Р. 71], – характеризует новейшую ситуацию Дэн Захави в 2021 г. На этом фоне нет ничего удивительного и в развитии диалога феноменологии и нейронаук. Д.Э. Гаспарян описывает подобные явления в пространстве энактивизма: «Психология, в том числе экспериментальная, когнитивные науки или психиатрия по умолчанию практикуют то, что подлежит обоснованию в рамках программы синтеза феноменологии и натурализма. (...) Поэтому данное направление во многом идет постфактум за практической реализацией, которая уже произошла в научной практике» [16. С. 83].

Вслед за Мерло-Понти (точно так же, как феноменологические психиатры до него) пионер энактивизма Франциско Варела обращает внимание на пространство между «я» и миром, внутренним и внешним, сознанием и телом, и предлагает посмотреть за эти дихотомии, на непосредственный человеческий опыт [17]. Энактивизм практически сразу же завоевывает любовь

психиатров. «Отелесненный ум» выходит в 1991 г., а уже в 1998 г. появляется статья Йозефа Парнаса в соавторстве с Аароном Мишара и Жаном Ноденом с говорящим названием «Мосты между феноменологией, когнитивной нейробиологией и психопатологией: рождение новой дисциплины» [18]. В ней авторы констатируют очевидный всплеск интереса к сознанию и самости, интерессубъективности и темпоральности, а также рост работ, использующих идеи феноменологии в интерпретации данных когнитивной нейробиологии. Эта область прирастает в исследованиях самого Парнаса, а также Льюиса Сасса, Джованни Стангеллини, Кристофа Мундта, Дэна Захави, Томаса Фукса. В уже упомянутой статье Парнас с соавторами выделяют четыре направления исследований новой области, которые связывают с измерениями субъективного опыта: 1) схема тела, 2) интенциональность (в современных работах оба измерения объединяются в воплощенности), 3) темпоральность, 4) интерессубъективность [18. Р. 4–7].

Нейрофизиологическими основаниями нормального развертывания схемы тела, как показывают исследования Шона Галлахера, является переплетение, взаимное влияние и связь модальностей восприятия и моторики [19]. Эта связность лежит в основании интенциональности, обеспечивает спонтанное и свободное движение и ориентацию в мире. Ее нарушение в психопатологии приводит к гиперрефлексивности, выпадению из контекста. Исследование схемы тела и интенциональности приводят к представлению о так называемом основном нарушении: нестабильности дорефлексивного самосознания, минимального самосознания укорененного в телесности «я», принадлежности «мне», нестабильности перспективы первого лица [20]. Последние нейрофизиологические исследования показывают модификацию способности устанавливать источник опыта и ощущений, в результате которого происходит неадекватная идентификация стимулов (как внутренних, а не внешних или наоборот), установление атрибутивности стимула становится целой проблемой. Это нарушение связывается в единый комплекс со сниженной способностью регулировать внимание к нерелевантной информации, что приводит к вниманию к ненужным стимулам и недифференцированности перцептивного и мыслительного поля, поля сознания [21].

Экспериментальные исследования восприятия времени фиксируют связь нейроданных с феноменологическими описаниями больных. Кристоф Мундт с соавторами показывает зависимость переживания замедления времени и тяжести депрессии: доминирования прошлого, уход перспективы развития и трудности с планированием и соответственно оценкой настоящего [22]. Исследования интерессубъективности наиболее проблемны, ее нейрофизиологические основания разрабатывают в рамках «горячей теории сознания», дефицита эмпатии как плохой реакции на сигналы бедствия или теории моделирования. При этом личностная перспектива телесного «я» связывается с социальной перспективой. Так, С. Эбиш и В. Галлезе связывают телесное «я» с мультисенсорной интеграцией различных видов деятельности,

за которую отвечает премоторная зона. В психопатологии нарушаются связи между премоторной зоной и островковой долей, что приводит к неспособности переключаться между собственным телесным опытом и опытом других людей, а также самопрезентациями и репрезентациями других людей. Телесное чувство и восприятие других оказывается основой социальности [23].

Своего самосознания энактивизм в психиатрии достигает в работах Томаса Фукса. Его работы идут в русле более ранних исследований, однако он всячески акцентирует свой долг Вареле, специально анализирует особенности взаимопересечения феноменологии и современной психиатрии. Начиная с самых первых работ, он выступает против «редукционистской картины сознания», основанной на представлении об отражении реальности, и стоит на энактивистской позиции, предполагающей отказ от репрезентивизма и снятие дихотомии «сознание/тело» [24]. Можно сказать, что если в работах предшественников мы видим реакцию на бурное развитие когнитивных наук 1980-90-е гг., то идеи Фукса показывают своеобразную рефлексию второго порядка с осознанием возможностей энактивистской программы в психиатрии.

Фукс исследует мельчайшие механизмы психопатологии, обращаясь одновременно к новейшим данным нейробиологии и когнитивных наук, к экспериментам и феноменологическим теориям. «...Адекватная наука об опыте, – подчеркивает Фукс, – имеет фундаментальное значение как для психиатрии, так и для когнитивной нейробиологии. Без исследования феноменологии субъективности мы не можем прояснить соответствующие субличные процессы. Когнитивная нейробиология будет оставаться слепой к своему предмету до тех пор, пока методологически не осмыслит то, что пытается объяснить. Если мы не преодолеем нынешнюю объективистскую, редукционистскую эпистемологию в психиатрии, мы не увидим прогресса эмпирических исследований» [25. Р. 321]. По убеждению Фукса, необходимо обратиться к тому чувству общности, которое предшествует разделению проприоцепции, восприятия и эмоций, и которое в своей «Феноменологии восприятия» Мерло-Понти называет интенциональной дугой. Именно трансформации этого чувства, на его взгляд, приводят к трансформациям воплощенности, темпоральности и метаперспективы при психических заболеваниях.

Идеи Фукса – образец последовательной нейрофизиологически укорененной феноменологической теории, в поле которой физиологическое и философское можно поставить на один уровень и свести в едином пространстве сознания. Однако будучи практически ориентированной отраслью, психиатрия не ограничивается, пусть даже и междисциплинарной, теорией. Теория нейрофеноменологии обращается к практике. Философия (как феноменология опыта) так оказывается как бы между практикой (экспериментальными исследованиями нейронаук) и практикой (диагностики и лечения).

Проблемные точки философии опыта и перспективы междисциплинарной практики в психиатрии

Новейшие достижения не решают центральные для психиатрии проблемы, а лишь обостряют их, высвечивая новые грани. Один из пионеров философии психиатрии Билл Фулфорд, практикующий исследователь Джованни Стангеллини в своей совсем недавней статье с Гильерме Месса «Феноменология вчера, сегодня и завтра...» связывают сложившееся положение дел со специфическим двойным статусом психиатрии, ее научно-центрированной и личностно-ориентированной ролями [26]. Они сравнивают современную ситуацию с той, которая была в «первую биологическую волну» начала XX в., и говорят о схожести больших надежд, разочарований практиков и следовавшей за ними феноменологической критике.

Для философской критики Фулфорда, Стангеллини и Месса центральные проблемные точки – это точка клинических исследований, диагностики и терапевтической практики. Во-первых, несмотря на интенсивные нейроисследования заметен разрыв как между самими исследователями (с различными подходами и отдельными не обобщенными данными) и их с практиками, что приводит к тому, что многочисленные данные не только остаются не синтезированными, но не идут в практику лечения и психотерапии. Во-вторых, несовершенной остается система диагностики, поскольку непонятно, как в ее области можно связать полученные нейроданные с переживаемым и презентуемым опытом пациента. В-третьих, открытие нейромеханизмов психических расстройств не имеет прямого влияния на совершенствование терапевтической практики улучшения качества жизни пациентов, а именно это ожидается от этой науки. В итоге создается провал между гиперинтенсивным развитием исследований, приращением данных и фантастическими открытиями и старой, как мир, ситуацией страдающего человека.

В зазоре между этими двумя ролями как раз и может располагаться философия (новая феноменология, нейрофеноменология, экспериментальная философия) опыта. Предложенная Варелой программа, развитая психиатрами, обеспечивает переход к общим основаниям двух ролей, двух наук и двух перспектив – к пространству непосредственного опыта и его структуре. Фулфорд, Стангеллини и Месса, говоря о возможной современной роли феноменологии или философии в целом в психиатрии, настаивают на их «диалектическом синтезе». «Современная феноменология... демонстрирует элементы обеих ролей не только в теоретических измерениях, но и в исследователях, которые одновременно реализуют обе роли» [26. Р. 11], – подчеркивают они.

Необходимость философии опыта для практики исследования, диагностики и терапии подтверждается в последние пятнадцать лет в связи с разработкой новых подходов в этих практических областях. Для исследования и диагностики это, прежде всего, проект «*Research Domain Criteria*», для

диагностики и терапии – проект исследования аномального опыта (*EASE* и *EAWE*).

Проект «Research Domain Criteria» показывает назревшую попытку ухода от классической диагностической сетки психиатрии [27]. Эта сетка, уходящая одновременно и к психиатрии XIX в., с ее первыми классификациями, и к описательной психологии Ясперса, вызывала и вызывает шквал философской критики: за когерентный подход, за необоснованность и за постулирование симптомов как «простых тел» психики [28]. Новый проект содержит обоснованный в современной ситуации посыл построить полисоставную систему картирования психических заболеваний, связав нейрофизиологические, биохимические, психологические исследования. Его замысел в диалоге специалистов, который стимулирует развитие нейронаук.

В основе исследования психических заболеваний в этом проекте – создание всеохватывающей таблицы, которая включает шесть измерений и подсистем: системы позитивной и негативной валентности, сенсомоторные, когнитивные, регуляторные и системы социальных процессов. В каждом из них отмечаются полученные данные о соответствующих: генах, молекулах, клетках, сетях, физиологических механизмах, поведении, инструментах по диагностике и самодиагностике и парадигмах (теориях). Посмотрев на эту таблицу, можно понять доводы противников проекта в целом: выделенные измерения недоработаны, соответствующие им данные (столбцы) не учитывают субъективное измерение болезни и предполагают перекося в сторону нейро- и биохимических данных [29]. Однако проект содержит явный исследовательский посыл (смещение от диагностики к исследованию): при дополнении матрицы со стороны феноменологии он мог бы стать основанием для долгой исследовательской работы.

Проект исследования субъективного опыта пациентов, который привел к разработке интервью *EASE* (Examination of Anomalous Self-Experience) [30] и *EAWE* (Examination of Anomalous World Experience) [31], противостоит проекту «Research Domain Criteria» и развивается примерно в те же годы. Он также создает основание для взаимодействия психиатрии и нейронаук, когнитивных наук, философии, только постулирует в качестве общего объединяющего пространства поле опыта.

Проект реализуется под руководством профессора Йозефа Парнаса и представляет собой исследование аномального опыта – переживания себя (*EASE*) и мира (*EAWE*). Эти шкалы – уникальные философски фундированные диагностические инструменты. «Наш клинический психопатологический подход во многом основан на феноменологии Гуссерля»¹, – подчеркивают авторы и требуют обязательной феноменологической подготовки (прохождения семинаров по феноменологическому описанию структур сознания) для проведения беседы. На основании описаний аномальных переживаний от первого лица, взятых из психиатрической литературы о шизофрении и сходных расстройствах, а также накопленных в клинической практике

описаний выделяются наиболее важные области (домены) переживания себя (базового, минимального самосознания) и мира. Для опыта себя – это домены познания и потока сознания, самоданности и присутствия, телесного опыта, обособленности/транзитивности, экзистенциальной перестройки; для проживаемого мира – домены пространства и окружающих объектов, времени и происходящих событий, языка (устного или письменного слова), атмосферы (ощущение реальности, витальности, релевантности, погруженности в мир, смысла), экзистенциальной ориентации (ценностей, отношений и мировоззрения). Эта система доменов ложится в основе двух больших систем структурированных интервью, которые рекомендуется использовать в исследовании и диагностике (как дополнительные методы).

В последние годы шкалы EASE/EAWE используются и в психотерапевтической практике [32] как оценочный инструмент, позволяющий оценить состояния пациента и его динамику, а также как терапевтический инструмент: дифференцировка своих переживаний, их осознание и обсуждение со специалистом способствует снятию тревожности. «Четкое знание переживаний пациентов, по нашему убеждению, является необходимой основой для всякой разумной и глубокой психотерапии» [32. Р. 118] – подчеркивают Б. Шкодлар и М.Г. Хенриксен. В соответствии с основными структурами опыта и выясненными в процессе интервью их составляющими, наиболее модифицированными у данного человека, они предлагают разные стратегии терапевтической работы. При этом заметен вектор «нейронауки – ориентированная на опыт психиатрия – психотерапия», в который философия включена на этапе диагностики и психотерапии, поскольку обеспечивает методологические основания (феноменологию) и словарь (терминологический аппарат феноменологии и экзистенциальной философии) для работы с опытом и переживаниями. Философия опыта может помочь дифференцировать данные переживания, указывая на новые структурные взаимосвязи, а затем ставить новые вопросы уже для эмпирического поля нейронаук.

Заключение

Во введении к «Отелесненному уму» Франциско Варела Эван Томпсон и Элеонора Рош характеризуют свою цель следующим образом: «Мы не стремимся к формулированию единой грандиозной теории, научной или философской, о связи сознания и тела, равно как и к созданию трактата в жанре компаративного исследования. Наша цель – создать пространство возможностей, в котором в полной мере можно будет оценить связь когнитивной науки и человеческого опыта, а также стимулировать способствующие трансформации свойства человеческого опыта в научной литературе» [17. С. 89].

Развитие нейрофеноменологии в психиатрии как раз отражает подобный диалог нейрофизиологов и психологов, психиатров и философов, терапевтов и диагностов. Современное движение развивает уже вековой диалог

философии и психиатрии, только от свойственного ему антиномизма традиций, подходов, установок и понятий пытается перейти к срединному, диалектическому пути. Преодолевая дихотомию биологического и психического, обращаясь к полю опыта как полю общего исследования и интереса, нейрофеноменология создает пространство взаимодействия (экспериментальной философии опыта), в котором с трудом можно очертить конкретное место каждой отдельной науки и так же затруднительно описать ее конкретный вклад, поскольку сама традиция пытается уйти от завершенности.

Это, действительно, примечательно, что философия уже имеет сходный опыт междисциплинарности. Как Ясперс, современная нейрофеноменология ставит проблему описания и понимающей методологии, как Штраус, говорит о дологическом опыте и интенциональной связности, как Лэйнг, акцентирует воплощенность и бесконечную тотализацию человеческого опыта. Однако в старой дуальной парадигме дальнейшее движение взаимодействия наук оказалось невозможным. Парадигма сознания и поле когнитивных наук дало этому взаимодействию новый импульс. Здесь ставятся важнейшие проблемы мозга и переживания, тела и сознания, и, что еще более значимо, пока приблизительно, но разрабатываются не только новые пути интерпретации, но и новые стратегии помощи людям с ментальными и поведенческими расстройствами. Четко определить здесь роль философии, как и ранее, трудно. Однако своей основанной на данных нейронаук теорией опыта, структур сознания, гуманистической парадигмой практики помощи она присутствует в этом поле наравне с психиатрией, нейронауками и психотерапией – в самой хронике развития нейрофеноменологии и ее коллизиях.

Список литературы / References

- [1] Straus EW. *On obsession*. New York: Coolidge Foundation Publishers; 1948.
- [2] Mundt Ch. Jaspers Concept of “Limit Situation”: Extensions and Therapeutic Applications. In: Fuchs Th, Breyer Th, Mundt Ch, editors. *Karl Jaspers' Philosophy and Psychopathology*. New York: Springer; 2014. P. 169–178.
- [3] Rümke HC. Phenomenological and Descriptive Aspects of Psychiatry. In: Cleghorn RA, editor. *Proceedings of the Third World Congress of Psychiatry*. Toronto: University of Toronto Press; 1962. P. 17–25.
- [4] Straus E. *Vom Sinn der Sinne: Ein Beitrag zur Grundlegung der Psychologie*. Berlin: Springer Verlag; 1956.
- [5] Straus E. *Phenomenological Psychology: The Selected Papers*. New York: Basic Books; 1966.
- [6] Минковский Э. Шизофрения. Психопатология шизоидов и шизофреников / пер. Ю. Ромашева. М. : Городец, 2017.
Minkowski E. *The schizophrenia. The Psychopathology of Schizoids and Schizophrenics*. Moscow: Gorodetz publ.; 2017. (In Russian).
- [7] Минковский Э. Проживаемое время. Феноменологические и психопатологические исследования. Пер. Е. Пучковой, Т. Юшкевич. М. : Городец, 2018.
Minkowski E. *The lived time. Phenomenological and Psychopathological Studies*. Moscow: Gorodetz publ.; 2017. (In Russian).
- [8] Бинсвангер Л. Бытие-в-мире. М., СПб. : КСП+, Ювента, 1999.

- Binswanger L. *Being-the-the-world*. Moscow, Saint Petersburg: Yuventa publ.; 1999. (In Russian).
- [9] Binswanger L. *Wahn: Beiträge zu seiner phänomenologischen und daseinsanalytischen Erforschung*. Pfullingen: G. Neske; 1965.
- [10] Шпигельберг Г. Феноменологическое движение. Историческое введение / пер. с англ. группы авторов; под ред. М. Лебедева, О. Никифорова. Ч. 3. М. : Логос, 2002. Spiegelberg H. *The Phenomenological Movement. A Historical Introduction*. Moscow: Logos publ.; 2002. (In Russian).
- [11] Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / пер. с франц., под ред. И.С. Вдовиной, С.Л. Фокина. СПб. : Ювента, Наука, 1999. Merleau-Ponty M. *Phenomenology of Perception*. Saint Petersburg: Yuventa, Nauka publ.; 1999. (In Russian).
- [12] Gallagher S. A Well-Trodden Path: From Phenomenology to Enactivism. *Filosofisk Supplement*. 2018;(3):42–47.
- [13] Лэйнг Р.Д. Я и Другие / пер. Е. Загородной. М. : Класс, 2002. Laing RD. *Self and Others*. Moscow: Class publ.; 2002. (In Russian).
- [14] Князева Е.Н. Энактивизм: новая форма конструктивизма в биологии. М., СПб. : Центр гуманитарных инициатив, Университетская книга, 2014. Knyazeva EN. *Enactivism: A New Form of Constructivism in Biology*. Moscow, Saint Petersburg: University Book publ.; 2014. (In Russian).
- [15] Zahavi D, Loidolt S. Critical Phenomenology and Psychiatry. *Continental Philosophy Review*. 2022;55:55–75. <https://doi.org/10.1007/s11007-021-09553-w>
- [16] Гаспарян Д.Э. Феноменология без трансцендентального субъекта: нейрофеноменология и энактивизм в поисках перспективы от первого лица // *Философский журнал*. 2020. № 1. С. 90–96. Gasparyan DE. Phenomenology Without a Transcendental Subject: Neurophenomenology and Enactivism in Search of a First-Person Perspective. *The Philosophy Journal*. 2020;(1):90–96. (In Russian).
- [17] Варела Ф., Томпсон Э., Росч Э. Отелесненный ум. Когнитивная наука и человеческий опыт / пер. К. Тулуповой. М. : Фонд «Сохраним Тибет», 2023. Varela F, Thompson E, Rosch E. *The Embodied Mind: Cognitive Science and Human Experience*. Moscow: Save Tibet Foundation publ.; 2023. (In Russian).
- [18] Mishara AL, Parnas J, Naudin J. Forging the Links between Phenomenology, Cognitive Neuroscience, and Psychopathology: The Emergence of a New Discipline. *Current Opinion Psychiatry*. 1998;(5):567–573. <https://doi.org/10.13140/RG.2.1.1018.5129>
- [19] Gallagher S. Body Schema and Intentionality. In: Bermdez JL, Marcel A, Eilan N, editors. *The Body and the Self*. Cambridge: MIT Press; 1995. P. 225–244.
- [20] Sass L, Parnas J. Schizophrenia, Consciousness, and the Self. *Schizophrenia Bulletin*. 2003;(3):427–44. <https://doi.org/10.1093/oxfordjournals.schbul.a007017>
- [21] Krcmar M, Wannan C et al. The Self, Neuroscience and Psychosis Study: Testing a Neurophenomenological Model of the Onset of Psychosis. *Early Intervention of Psychiatry*. 2024;(2):153–164. <https://doi.org/10.1111/eip.13448>
- [22] Mundt C, Richter P, van Hees H et al. Zeiterleben und Zeitschätzung depressiver Patienten. *Nervenarzt*. 1998;(1):38–45. <https://doi.org/10.1007/s001150050236>
- [23] Ebisch SJ, Gallese V. A Neuroscientific Perspective on the Nature of Altered Self-Other Relationships in Schizophrenia. *Journal of Consciousness Studies*. 2015;(1–2):220–240.
- [24] Kyselo M. The Enactive Approach and Disorders of the self – the Case of Schizophrenia. *Phenomenology and the Cognitive Science*. 2016;15:591–616. <https://doi.org/10.1007/s11097-015-9441-z>

- [25] Fuchs T. The Challenge of Neuroscience: Psychiatry and Phenomenology Today. *Psychopathology*. 2002;(6):319–326. <https://doi.org/10.1159/000068593>
- [26] Messas G, Stanghellini G, Fulford KWM. Phenomenology Yesterday, Today, and Tomorrow: a Proposed Phenomenological Response to the Double Challenges of Contemporary Recovery-Oriented Person-Centered Mental Health Care. *Frontiers in Psychology*. 2023;14. <https://doi.org/10.3389%2Ffpsyg.2023.1240095>
- [27] Cuthbert BN. The RDoC Framework: Facilitating Transition from ICD/DSM to Dimensional Approaches That Integrate Neuroscience and Psychopathology. *World Psychiatry*. 2014;13:28–35. <https://doi.org/10.1002/wps.20087>
- [28] Lilienfeld SO, Treadway MT. Clashing Diagnostic Approaches: DSM-ICD versus RDoC. *Annual Review of Clinical Psychology*. 2016;12:435–463. <https://doi.org/10.1146/annurev-clinpsy-021815-093122>
- [29] Холмогорова А.Б. Обострение борьбы парадигм в науках о психическом здоровье: в поисках выхода // Социальная и клиническая психиатрия. 2014. № 4. С. 53–61. Kholmogorova AB. Clash of Paradigms in Mental Health Sciences: In Search of a Way Out. *Social and Clinical Psychiatry*. 2014;(4):53–61. (In Russian).
- [30] Parnas J, Møller P, Kircher T, Thalbitzer J, Jansson L, Handest P, Zahavi D. EASE: Examination of Anomalous Self-Experience. *Psychopathology*. 2005;38:236–258. <https://doi.org/10.1159/000088441>
- [31] Sass L, Pienkos E, Skodlar B, Stanghellini G, Fuchs Th, Parnas J, Jones N. EAWE: Examination of Anomalous World Experience. *Psychopathology*. 2017;50:10–54. <http://dx.doi.org/10.1159/000454928>
- [32] Škodlar B, Hendriksen MG. Toward a Phenomenological Psychotherapy for Schizophrenia. *Psychopathology*. 2019;52:117–125. <https://doi.org/10.1159/000500163>

Сведения об авторе:

Власова Ольга Александровна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории философии, ведущий научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9. ORCID: 0000-0003-4881-3652. SPIN-код: 1919-4641. E-mail: o.a.vlasova@gmail.com

About the author:

Vlasova Olga A. – DSc in Philosophy, Professor, Leading Researcher, Department of History of Philosophy, Institute of Philosophy, Saint Petersburg State University, 7–9 Universitetskaya Naberezhnaya, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation. ORCID: 0000-0003-4881-3652. SPIN-code: 1919-4641. E-mail: o.a.vlasova@gmail.com